

ББК 76–12

Р–69

Книга подготовлена при содействии офиса
Представителя ОБСЕ по свободе прессы
и посольства США в России

Редактор — Илья Максаков
Фотографии — Юрий Романов, Геннадий Хамельянин,
Владимир Сварцевич, Валерий Киселев
Художник — Вячеслав Т□

Р–69 **Романов Юрий.** «Я снимаю войну...». Школа выживания.
— М.: «Права человека», 2001. — 308 стр.

Написанная известным российским журналистом Юрием Романовым книга — своеобразный итог его работы в «горячих точках» на территории бывшего СССР. Написанная как мемуары, книга тем не менее может стать ценной для журналистов, готовящихся стать военными репортажами.

Предназначена для журналистов, студентов, а также для исследователей самого широкого профиля, прежде всего конфликтологов.

ББК 76–12

ISBN 5–7712–0213–4

© Юрий Романов, 2001

© Центр экстремальной журналистики, 2001

© Издательство «Права человека», 2001

Нагорный Карабах.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Господи, да что же это за «национально–освободительная» борьба такая?

Когда число погибших в твоих кадрах начинает переваливать за критическую отметку, в голове как будто щелкает какой–то переключатель, и мозг уже перестает воспринимать страдания. И это у меня, пришлого, чужого человека, практически — наблюдателя на чужой войне. Начинаешь работать как–то отстраненно. И от этого кадры получаются технически достаточно совершенные, но из них уходит что–то неуловимое.

А заглянуть в душу местным жителям? Там, мне кажется, от–крывается такая черная и беспросветная бездна горя и страданий...

Как–то так получается, что все мои маршруты по азербайджанскому «фронту» начинаются и заканчиваются возле агдамской соборной мечети и морга возле нее. Сюда привозят трупы, отсюда машины уезжают за новыми. Со многими водителями я уже познакомился, и они, разгрузив свой страшный груз, подсаживают меня в машину, идущую туда, где стреляют. И я уже спокойно сажусь в транспортное средство, в кузове которого переливаются литры крови, натекшей из ран. Иногда водители, жалея меня, берут в кабину, и я еду в бой в относительном комфорте, и одежду с обувью от чужой крови потом отмывать не приходится.

Конец февраля в Азербайджане ничем не отличается от декабря и января. Тот же промозглый туман над полями, то же воронье... Тот же снег, который на земле немедленно превращается в липкую грязь. Тучи, сползающие с Кавказского хребта, приносят новые порции дождя и снега. Противорадовые установки «Алазань» используются не для влияния на погоду, а, напротив, для влияния на людей, для запугивания и убийства.

На карабахском фронте появляются установки залпового огня, напоминающие «Катюши» военных лет. 13 января 1992 года при об–стреле города Шаумяновска азербайджанцы впервые применяют боевую реактивную установку залпового огня «Град» (ранее все эти установки и снаряды принадлежали Советской Армии). В отличие от имеющих небольшую площадь поражения ракет «Алазань», которыми практически нельзя вести прицельный огонь, система

«Град» предназначена для поражения больших площадей, и ее ракеты обладают большой разрушительной силой. Если от «Алазани» еще можно было спрятаться под обычной крышей, то от «Града» спасения нет — он бьет по площадям. Все живое в «площади» попадания залпа взлетает на воздух и перемешивается с землей. Одну такую установку азербайджанские «самооборонцы» не то стащили, не то купили на армейских складах и поставили около села Шелли, практически рядом с Агдамом, и теперь голубой мечтой всех фотографов стала съемка этой установки. Мне повезло — пошел на звук залпа и обнаружил эту «Градину», стоящую между двумя небольшими сопками. Встал за дерево и начал ждать момента выстрела.

Один залп гремит по направляющим рельсам, все в огне и дыму, одна за другой срываются ракеты и уносятся в пространство. Установка окутывается дымом и пылью. Оказывается, она работает сама по себе. После того как зеленые фигурки-солдаты что-то там подкручивают, подвинчивают, в соответствии с указаниями, полученными по радию, они убегают и прячутся в недалеко вырытый окопчик. Но первый залп снять не удается, так как он происходит мгновенно, и я просто не успеваю настроить камеру. Приходится дожидаться следующего. Пока солдаты укладывают ракеты на направляющие, меня замечает зоркий глаз «соответствующего органа» и немедленно вытаскивает пистолет. Проверив все документы, но не очень-то поверив в них, он решает препроводить меня в штаб для «оргвыводов». Спасибо — не пристреливает на месте...

От околицы села Шелли, где стоит установка, до штаба нужно пройти несколько километров по грязным улицам Агдама. Мне तो ропиться некуда, мы идем спокойно. «Безопасник» идет на шаг сзади, словно отставая от меня, и держит пистолет в кармане длинного плаща. Я почти физически чувствую, что направлен ствол в мою сторону.

— Ты зачем меня задержал? — бурчу я недовольно.

Он даже приостанавливается от такого нахальства. Все задержанные обычно ведут себя тише воды ниже травы. Здесь управление безопасности, или как там называется местное КГБ, имеет огромную власть, и с ним стараются не спорить — себе дороже. А тут пленник, застигнутый на «месте преступления», за съемкой военного объекта, высказывает недовольство.

— Что я снимал «секретного»? — не успокаиваюсь я.

— Как «что»? А установка «Град» разве не секретная? И место ее дислокации... Вдруг к армянам попадет этот снимок?

— Установка продается во все страны, а место дислокации должно иметь «привязку» к карте... Даже если снимок попадет к армянам, они не смогут вычислить эту установку. Мало ли вокруг одинаковых гор...

— Ты был на той стороне? — неожиданно меняет он тему.

— На какой «той»? У армян, что ли? Был, конечно... — рассеянно киваю я.

— Ну и как там у них?

— Обычно, — настораживаюсь я. — В принципе так, как и здесь. Никакой разницы...

— А танки у них видел?

— Не помню...

— Как это не помнишь? Есть там танки или нет?

— Что ты ко мне прицепился? Я на всех войнах был и со всех сторон... Последний раз был в Югославии, там точно видел танки. А у армян был в прошлом году, в 91 — м... Какой тебе толк в том, видел я там танки или нет? Там же войска советские стояли, конечно, были там танки. И пушки были... Тебе — то какая разница?

— Вот пристрелю «при попытке к бегству» или прострелю колесо, почувствуешь разницу...

— Интересно, как ты это Мусе Мамедову объяснишь? Куда я бежать собрался, что ты в меня «вынужден» был стрелять? И как он тебе поверит, если я по его разрешению работаю?

— Мамедову? — у «особиста» прерывается дыхание. Представитель президента в Агдаме слывет администратором крутым и скорым на расправу. С Мамедовым я, конечно, встречался, брал у него интервью. Мы говорили о гранях возможного в работе журнала применительно к войне в Нагорном Карабахе. Но разрешения на съемку конкретной установки я у него, конечно, не спрашивал... Если «гебист» обратится к столь высокому для него начальству, то Мамедов, конечно, вспомнит то интервью. Без подробностей, но вспомнит... Но основная надежда была на то, что с таким вопросом рядовой «безопасник» к Мамедову не осмелится обратиться...

Я продолжаю «додавливать»:

— Вот ты меня спрашиваешь о военной технике твоего противника. Хорошо, я, что знаю, расскажу, хотя знаю немного... Приеду на армянскую сторону, там спросят о том, что я видел у вас... Мне тоже рассказывать? И как это называется? Шпионаж? А я кто? Двойной агент? Ты знаешь, что вопросы такого рода журналистам задавать даже не полагается по Международной конвенции?

Про Международную конвенцию он что-то слышал, но тоже подробностей не знает. А я не знаю, существует ли вообще такая конвенция...

Как говорили Ильф и Петров, «Остапа несло...».

Я рассказываю «безопаснику» разные случаи своего задержания в тех или иных ситуациях, как правило, во время съемки объектов, которые местные считают очень секретными. Но они не являются таковыми с точки зрения закона. Естественно, все эти мои байки заканчиваются полным посрамлением «гебистов». Этот оказывается «крепким орешком», но часа через два, когда солнце начинает уже закатываться за горизонт и мы, наконец, подходим к штабу, он проникается сочувствием к тяжелой судьбе репортера. В штаб мы заходим уже лучшими друзьями, договорившись завтра вместе поехать на «передовую».

Всю ночь гостиницу сотрясает непонятный грохот. На горизонте, несмотря на конец февраля, полыхают зарницы, словно обещающая мощную грозу, но дождь так и не проливается. Утро встает хмурое, с легким морозцем и снежными «мухами», падающими на затвердевшую грязь. Она только сверху схватывается корочкой, которая легко продавливается, и ботинки то и дело норовят приклеиться к земной поверхности. Я с трудом добираюсь до штаба.

В штабе царит мрачное настроение. Все офицеры, накануне приветливые и разговорчивые, сегодня, увидев камеру или диктофон, стараются скорее спровадить журналиста. Отчаявшись получить какие-нибудь сведения в штабе, я отправляюсь к госпитальному поезду. Знакомый водитель «санитарки», который проводит за рулем большую часть суток, произносит название, которое с этого дня будет знать весь мир: ХОДЖАЛЫ... Было 26 февраля 1992 года...

Вообще в эти дни на карабахском «фронте» складывается странная ситуация. В газетах, по радио и по телевидению всей России рассказывают об этой действительно полномасштабной войне как о маленьком межнациональном конфликте. Вроде бы два соседа подрались из-за межи. А на самом деле здесь идет настоящая война — с танками, пушками и множеством убитых и раненых.

По телевидению показывают противоречивые сюжеты об азербайджанском ОМОНе, который то ли бесчинствует, то ли грудью стоит на страже закона в аэропорту Степанакерта. Что же происходит на самом деле? Поскольку автор может быть очевидцем ограниченного круга событий, он обращается к заслуживающим доверия независимым источникам. И этот независимый источник — Правозащитный центр «Мемориал». Прошу прощения за

пространную цитату, но без нее понимание дальнейших событий может быть затруднительным.

«Летом 1991 г. конфликт в Нагорном Карабахе переходит в стадию открытой войны. После провала августовского путча, в условиях паралича союзных властей, а затем распада СССР, боевые армянские отряды развертывают наступательные операции по освобождению депортированных в мае – июле 1991 г. армянских сел Нагорного Карабаха. В течение осени освобождены ряд сел в Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) и в бывшем Шаумяновском районе Азербайджана.

Оставляя эти села, азербайджанские формирования в ряде случаев поджигают их. Вместе с тем, в результате боевых действий армянских вооруженных формирований, жители азербайджанских сел Башгешлаг, Шефек, Зейва, Тодан – в бывшем Шаумяновском районе, Туг, Салакатин – в Гадрутском районе НКАО, Имерет–Геревент – в Мардакертском районе НКАО, Джамилли, Лесное (Мешали) – в Аскеранском районе НКАО, Ходжавенд, Диваналар – в Мартунинском районе НКАО вынуждены покинуть их. Некоторые села, например Имерет–Геревент, сожжены нападавшими.

Места своего проживания покидают несколько тысяч азербайджанцев (без учета азербайджанцев, которыми заселили депортированные ранее армянские села). Имели место отдельные случаи тяжкого насилия против мирного населения (например, в селе Мешали).



Начиная с конца осени 1991 г. армянская сторона начинает целенаправленные действия против азербайджанских сел. Изгоняются жители из сел Малибейли и Гушчулар. При этом в результате обстрелов погибают несколько десятков мирных жителей. Обе стороны выдвигают обвинения, что села противника превращены в укрепленные районы, прикрывающие артиллерийские позиции.

В декабре проходит референдум о независимости Нагорно-Карабахской Республики и выборы в ее Верховный Совет. В результате выборов к власти в Нагорном Карабахе приходит новое поколение политиков, более тесно связанное с вооруженными отрядами, не коррумпированное и не склонное к компромиссам. По мнению этих политиков, переговоры о судьбе Нагорного Карабаха без участия представителей НКР в качестве равной договаривающейся стороны недопустимы. Сильно возрастает влияние партии «Дашнакцутюн».

В это же время, с осени 1991 г., в Азербайджане начинает формироваться и действовать в Нагорном Карабахе Национальная Армия Азербайджана. Продолжают действовать подразделения ОМОН МВД Азербайджанской Республики. Помимо этих официальных формирований, там же действуют различные отряды, на словах подчиняющиеся Народному Фронту Азербайджана, а на деле не подчиняющиеся никому.

Противостояние нарастает. В ноябре образуется Национально-освободительная Армия Арцаха (НОАА), объединяющая, по утверждению ее руководителей, все армянские вооруженные отряды Нагорного Карабаха под единым командованием. Оно подчинено властям провозглашенной Нагорно-Карабахской Республики.

Начиная с ноября 1991 г. азербайджанская сторона начинает предпринимать попытки крупных наступательных операций. В декабре подразделения внутренних войск бывшего МВД СССР покидают Карабах. Из боевых подразделений бывших союзных войск на территории Нагорного Карабаха остаются только 366-й мотострелковый полк, дислоцированный в Степанакерте, и батальон химической защиты.

В это же время азербайджанские вооруженные формирования начинают массированное наступление. Упорные бои происходят в пригороде Степанакерта — Киркиджане, населенном преимущественно азербайджанцами. Основная масса мирных жителей покинула его еще осенью.

В результате январских боев армяне выбивают оттуда азербайджанские отряды, уничтожив ряд огневых позиций, с которых обстреливался Степанакерт, при этом значительная часть домов Киркиджана сжигается.

Несмотря на преобладание в вооружении и численности, азербайджанская сторона несет большие потери боевого состава. По-видимому, наступательные операции не готовятся, а руководят азербайджанскими войсками партийные и хозяйственные работники.

Интенсивность обстрела с азербайджанской стороны в значительной мере объясняется тем, что боеприпасы были получены со складов армии СНГ, взятых под контроль азербайджанскими формированиями.

Обе стороны объясняют ведение огня по жилым кварталам тем, что не могут из-за рельефа местности напрямую подавить огневые точки противника и, обстреливая город, вынуждают противоположную сторону прекратить огонь. Мирное население обоих городов, как Степанакерта, так и Шуши, страдает не только от обстрелов, но и от отсутствия воды, продовольствия, медикаментов, отопления и освещения.

С февраля «Град» начинает применяться при обстреле жилых кварталов Степанакерта. В результате город имеет колоссальные разрушения, население практически живет в подвалах домов».

...Санитарный поезд стоит на полустанке «Агдам—товарная», расположенном недалеко от самого города. Его дома хорошо видны от платформы. По другую сторону путей — дощатые дачные домики на участках в стандартные 6 соток. Домики, в большинстве своем, частично разобраны на топливо. Станционное кирпичное здание играет роль «приемного покоя» в больнице. Сюда автомашины — и не факт, что это кареты «скорой помощи» — привозят раненых. Где водители автомашин подбирают раненых, непонятно, но вот когда раненый уже на борту, водители включают дальний свет фар и мчатся по скользкой от грязи, разбитой дороге с умопомрачительной скоростью, распугивая редких прохожих и еще более редкий транспорт прерывистыми, словно задыхающимися сигналами.

Очень часто, практически каждая вторая машина, привезшая раненого, опаздывает. Ее пассажир в помощи уже не нуждается, погибая от раны, тряски и потери крови. Но их тоже выгружают на этом скорбном поезде. Потом на носилках добровольные санитары уносят покойников за здание станции, где уже стоит длинный ряд таких же носилок, с которых умершие смотрят в пространство невидящими глазами. На холодные бледные их лица с серого неба, словно прощальный подарок Господа, падают и не тают на коже редкие снежинки.

... К поезду ведет широченная разъезженная дорога, которая по размерам могла бы соперничать с автострадой. Но ширина ее объясняется просто. Водители не хотят ехать по колеям, а прокладывая рядом с ними собственный путь и так, проскальзывая, с заносом и юзом, они преодолевают бездорожье практически по целине. С утра подмерзшая поверхность еще держит машину, а ближе к полудню, когда становится чуть теплее, движение почти замирает. Машину с ранеными, застрявшую на этой «автостраде», дружно вытаскивают солдаты, родственники раненых и даже врачи.

Когда мы приезжаем, наконец, к госпитальному поезду, на платформе и в вагонах идет кровавая работа. Одна за другой к перрону подъезжают машины с горящими фарами, и с них сгружаются уж совсем непривычных раненых: женщин, детей и стариков. Мужчин почти нет...

— Откуда привезли? — спрашиваю очумевшего водителя.

— Ходжалы... — машет он рукой, и как только кузов освобождается, машина рывком трогается и уезжает...

— А это откуда? — спрашиваю второго водителя, привезшего в салоне «уазика», в просторечии называемого «буханка», целую семью. Израненные, все в крови, женщина и трое детей. Глава семьи лежит на железном полу без признаков жизни. Четвертого ребенка, окровавленный сверток, женщина покачивает в руках... Когда глохнет перегруженный двигатель, становится слышно, как женщина тихо поет колыбельную без слов:

— Аа — аа — аа — а!

— Мама! Мамочка! — дергают ее за рукав мальчик и две девочки постарше... Они тоже покалечены или ранены, их одежда также залита кровью. Но мать на них внимания не обращает...

— Ходжалы... — говорит водитель, помогая выйти из машины раненой женщине с мертвым ребенком.

Одна за другой подходят машины с ранеными. На дороге образуются целая колонна разномастных автомобилей с горящими фарами. Один из водителей, садясь в кабину, замечает:

— У нас только свадебные колонны вот так днем с фарами ездят...

А кровавая «свадьба» продолжается...

По перрону вдоль состава мечется плотный подполковник медицинской службы. У него землистое лицо и одышка человека, у которого не в порядке сердце. Но необходимость быть во множестве мест одновременно не дает ему и минуты отдыха. Ханлар Гаджиев, начальник медицинской службы Министерства обороны

Азербайджана, на минуту приостанавливается и кладет под язык белую крупинку нитроглицерина.

— Что происходит в Ходжалы?

— Мы еще точно не знаем, но, по всей вероятности, группа беженцев попала под перекрестный огонь... Скоро туда полетит вертолет...

— Много пострадавших?

— Не то слово, — он достает блокнот. — Сейчас, на 13 часов, только врачи нашего поезда оказали помощь 290 человекам. Из них — 123 с обморожениями. Огнестрельных ранений — 67. Пулевых — 43, осколочных — 24. Плюс ножевые ранения имеют 8 человек...

Шлепанье лопастей и гул оглушают нас. Из низких облаков материализуется вертолет.

Гаджиев кричит:

— Мы в Баку уже 66 человек отправили... Сейчас следующая партия полетит.

— Сейчас не полетит...

Неслышно за шумом винтов подходит старый знакомый, Зульфий Касымов. Он заведует аппаратом исполнительной власти в райо-не. Своего рода — теневое правительство.

— Мы сейчас полетим в Ходжалы. Вы с нами? — обращается ко мне.

— Странный вопрос. Конечно...

— Сейчас наш оператор подъедет и тронемся...

— А раненые в Баку?

— Мы ненадолго. Максимум полчаса — час...

Из «санитарки» выскакивает старый знакомый, телеоператор Чингиз Мустафаев. Обычный бытовой «Панасоник», камера довольно большая, но на его плече кажется игрушкой. Он одет в армейский камуфляж, на плече — автомат, на пояском ремне — пистолет Макарова в кобуре.

Мы прыгаем в вертолет, за нами забираются Касымов и два милиционера. Все вооружены. Такой странный состав «делегации», да еще и вооруженной, мне не очень нравится, и я склоняюсь к уху Чингиза.

— Зачем мы туда летим?

— Для съемки. Распоряжение пришло с самого «верха»... — показывает он пальцами на потолок кабины вертолета.

— Ты думаешь, нам разрешат снимать? Кто там контролирует ситуацию?

— Армяне, конечно... Думаю, договоримся.

Я пожимаю плечами. По меньшей мере наш полет выглядит авантюрой. Без договоренностей, без подготовки летим туда, где несколько часов назад были расстреляны тысячи людей.

И как сами убийцы отнесутся к появлению вертолета с журна — листами? Авантюра чистейшей воды. Чем дольше я обдумываю сложившуюся ситуацию, тем меньше она мне нравится. Ну ладно, Чингиз вообще парень «безбашенный». Я много раз был с ним на съемке, поражаясь тому, как он совершенно бестрепетно снимал там, где не только что снимать — высунуть нос нельзя было.

Касымов явно хочет выслужиться перед президентом, а приказ на полет пришел, скорее всего, от Муталипова или его ближайшего окружения. Милиционеры и летчики — люди подневольные. Им приказали — они полетели... А меня — то почему сюда черт занес? Мне — то что, больше всех надо?

Пока я казнию и ругаю себя, тон работы двигателя меняется. Кажется, прилетели...

Я выглядываю в круглое окошко и буквально отшатываюсь от неправдоподобно страшной картины. На желтой траве предгорья, где в тени еще дотаивают серые лепешки снега, остатки зимних сугробов, лежат мертвые люди. Вся эта громадная площадь до близкого горизонта усеяна трупами женщин, стариков, старух, мальчиков и девочек всех возрастов, от грудного младенца до подростка...

Глаз вырывает из месива тел две фигурки — бабушки и маленькой девочки. Бабушка, с седой непокрытой головой, лежит лицом вниз рядом с крошечной девочкой в голубой курточке с капюшоном. Ноги у них почему — то связаны колючей проволокой, а у бабушки связаны еще и руки. Обе застрелены в голову. Последним жестом маленькая, лет четырех, девочка протягивает руки к убитой бабушке. Ошеломленный, я даже не сразу вспоминаю о камере...

Но шок проходит, и я начинаю съемку пока из окна. Вертолет зависает над полем, летчики выбирают место, чтобы колесо не потревожило никого из павших...

Вдруг винтокрылая машина, не приземлившись, как — то подпрыгивает в воздухе и сваливается вправо, в какой — то безумный вираж вниз, параллельно склону. Перед глазами в окне, совсем рядом, проносятся трава, камни и трупы, трупы, трупы...

— Что случилось? — отрываюсь от видеокамеры.

— Обстреливают...— лаконично говорит Чингиз, не отрываясь от камеры. — Хорошо, что они далеко.

— Кто это?

— А кто знает? Армяне, наверное...

Вдалеке, почти на границе видимости, темнеют фигурки людей, одетых в армейский камуфляж, которые, словно из шлангов, поливают наш вертолет автоматными очередями... От них к вертолету тянутся красные пунктиры. Один из сопровождающих нас милиционеров вскрикивает и бледнеет. Пуля, пробив обшивку вертолета, попадает ему в бедро.

Летчики, не поднимая тяжелую машину над холмами предгорий, держат ее буквально в метре от земли. Как им удастся на скорости почти 200 километров в час реагировать на малейшие неровности земной поверхности? Вертолет мчится, словно автомобиль по трассе. По сторонам мелькают редкие кустики, кучки камней... Через несколько мгновений такого сумасшедшего полета, показавшихся нам часами, вертолет взмывает в простор вечернего неба и почти сразу же скрывается в низких облаках.

Нас окутывает серый влажный туман. На прозрачном пластике окон собираются мельчайшие капли, которые, быстро укрупнившись, стекают на обшивку.

Мастерство летчиков выносит нас из зоны обстрела...

Я смотрю на Чингиза. По обветренному, остановившемуся лицу сильного человека бегут слезы. Поймав взгляд, он спохватывается и с силой проводит по глазам ладонью...

— Почему? Деток — то за что? — бормочет он... А слезы снова выступают на его глазах.

Я смотрю на счетчик своей камеры. Он показывает, что вся моя съемка продолжалась 37 секунд... 37 секунд кошмара.

Буквально через 20 минут полета мы возвращаемся на место старта у санитарного поезда. Приземлившийся вертолет оказывается в кольце людей, которые смотрят на нас словно на выходцев с того света. Словно не веря своим глазам, люди дотрагиваются до нас.

— А ведь мы вас уже похоронили... — говорит Гаджиев. — Ну, хвала Аллаху, целы!

— Не все целы, — откликается Касымов. — Пошлите санитаров, милиционера ранило...

Его лицо бледно, руки, когда он пыгается прикурить, дрожат и никак не могут справиться с зажигалкой. Потемневший лицом

Чингиз раздвигает кольцо людей, садится в машину и уезжает в Агдам.

У меня свои заботы, 37 отснятых секунд жгут мне руки. Я выхожу из круга людей и поднимаю камеру.

В видеоискателе — дорога, по которой мчится машина с ранеными. Вот раненых выгружают на носилки, прямо с платформы через открытые окна вагонов заносят в операционный вагон. Девочка лет шести с перевязанной головой. Повязка сделана так, что полностью закрывает ей оба глаза.

Не выключая камеры, я наклоняюсь к ней:

— Что с тобой, милая?

— Глазки горят... Глазки у меня горят... Дядя! Глазки у меня горят!!!

Врач трогает меня за плечо:

— Слепая она. У нее глаза были выжжены окурками... Когда ее привезли к нам, из глаз торчали окурки...

Пусть простит меня читатель. Но то, что видели мои глаза и слышали уши, не может передать мой бедный язык. Такие воспоминания даром не проходят, и, написав эту главу вечером, утром я обнаруживаю на висках новую седину...

Юрий Романов.
«Я снимаю войну...» Школа выживания

Художник *В. Т□*
Компьютерная верстка *Л. Крюкова*
Корректор *М. Крючкова*

ИД □ 02184 от 30.06.2000
Подписано в печать 18.05.2001. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ □

Издательство «Права человека»,
119021, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано на фабрике офсетной печати
г. Обнинск, ул. Королева, 6